

Г. И. Успенский

Столичная беднота

(Мелкие очерки)

Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах. Том 1.
М., ГИХЛ, 1955

Издание осуществляется под общей редакцией В. П. Друзина
Подготовка текста и примечания Н. В. Алексеевой

[OCR Бычков М. Н.](#)

СОДЕРЖАНИЕ

1. Старьевщик (*Из московской жизни*)
2. Первая квартира (*Из записок пролетария*)
3. Про одну старуху
4. Извозчик (*Очерк*)

1. СТАРЬЕВЩИК

(Из московской жизни)

Зима, жгучий мороз.

Задолго еще до первого колокола, до первого визга извозчицких саней по закаленному лютым морозом снегу начинает пробуждаться жизнь на столичном дворе. В грязных клетушках, в нижних этажах, где гнездятся сапожники и портные, напоминающие миру о своем существовании скромною вывеской, уставившейся своим золотым сапогом или растопыренными ножницами куда-нибудь в стену, в кучу дров или в такой угол, куда с незапамятных времен не забредала ни единая человеческая нога, -- в этих-то сырых подземельях, обдающих свежего человека какою-то кислятиной вместо воздуха, прежде всех просыпается людское горе, с вечера "звонко" залитое в кабачке под известным заглавием: "Уединение", "Мечта", "Перепутье". Просыпается оно в тощей фигурке сапожника Сидора Иванова, портного Ивана Сидорова и, запахиваясь рваным халатом, сквозь который мороз запускает свои колючие, как иглы, лапы, ежась, бежит опохмелиться, "поправиться", обыкновенно пуская ребром последний пяточок, а за отсутствием его -- собственный жилет, сапожную колодку, женин платок и вообще все, что ни подвернется под руку. А навстречу ему уютное пристанище с отрадною надписью: "распивочно" давно уже распахнуло свои гостеприимные объятия и ежеминутно погребает за своей почерневшей дверью весь этот болеющий люд, испугавшийся при дневном свете собственного безобразия и старающийся куда-нибудь скрыться даже от самого себя. Этот же внутренний испуг заставляет до свету убраться со двора увлеченную юнкером Тесаковым камелию, вчера же претерпевшую множество оскорблений от высоко нравственной хозяйки, у которой господин Тесаков нанимает комнату и которой уже давно ничего не платит. Виляя своею измятою юбкою, нетвердою поступью бежит она через двор и, выйдя за ворота, направляется в сторону "Крымского ада".

Где-то ударили к обедне. Жизнь на дворе шумит сильнее и сильнее: тащится с салазками молочница; со скрипом въезжает водовоз вместе с бочкой, составляющей как бы один довольно объемный кусок льду; медленно плетется на дровнях с угольями весь почерневший от соседства с ними мужик и, став посреди двора, громко кричит: "уголь!", выставя при этом свои белые, как снег, зубы. Просыпаются рачительные хозяева и спешат на рынок, причем, выйдя за ворота, крестятся и кланяются на все четыре стороны. Просыпается харчевник Кузьма Шестов и выкатывает собственную трехобхватную особу на крыльцо, находя почему-то нужным почесаться непременно в виду всей улицы. Он так толст, тучен, жирен и тепел, что от него идет как бы дым и пар, в то время как исхудалого оборванца жжет, щиплет и душит лютый мороз. Из-под извозчицких полозьев несется неумолкаемый визг и как бы какой-то бесконечной визгливой струей вьется над всем городом. Из труб медленно ползут кверху столбы дыма, застилая собою небо, и сквозь эту дымную занавеску тускло смотрит, колеблющимся пятном, красное